

Девушка, подняв глаза, увидела, что он излучает мягкость и изысканность, и почувствовала к нему еще больше симпатии.

— Господин, вы, должно быть, уже несколько лет не посещали Город Гуяо, — сладко улыбнулась она. — В этом чае, помимо «Бровей Лао-цзюня», которые поставляются исключительно с горы Цзюньшань на озере Дунтин, добавлена еще одна трава — «Трава яо».

— Я путешествовал по всем Девяти Областям, но нигде не пробовал столь необычного аромата, — с улыбкой похвалил Му Цинцзя.

— Ну конечно, — с гордостью ответила девушка. — Эту «Траву яо» можно найти только на горе Гуяо. В прошлом году наша госпожа градоправителя случайно обнаружила эту волшебную траву во время прогулки по горам, привезла ее, тщательно вырастила и снова посадила на горе. С тех пор она стала более доступной. Эта трава не только обладает чистым ароматом, но и имеет косметический эффект, улучшая кожу. Результаты впечатляют, и она подходит как мужчинам, так и женщинам.

Она прикоснулась к своему румянному лицу и добавила:

— Благодаря этой волшебной траве женщины в нашем городе могут сохранить свою кожу, словно они действительно никогда не стареют.

— Хотя я и слеп, но, судя по вашему голосу, я могу сказать, что вы обладаете необыкновенной красотой, — рассмеялся Му Цинцзя.

Внезапно в его ушах раздался звонкий звук. Му Цинцзя обернулся и увидел, как Хо Вэй поставил чашку на стол и собирался снять свой Меч Темного Мотылька для обычной чистки.

Поняв, что его младший брат не терпит близости обычных людей, он поспешил улыбнуться девушке:

— Идите, если я буду задерживать вас дальше, разве не навлеку на вас гнев хозяина?

— Да, да, — поспешно отступила служанка, голос ее дрожал.

Ее внезапная перемена в поведении показалась Му Цинцзя странной, но он не стал спрашивать дальше.

Он не видел, но девушка видела все ясно. Перед мужчиной в черной одежде с мечом белая фарфоровая чашка глубоко врезалась в стол из белого мрамора. Чашка осталась целой, но на столе образовалась круглая вмятина с острыми краями.

Все это было сделано одной бледной, костлявой рукой и сопровождалось едва слышным звуком.

Служанка не осмелилась больше говорить и просто принесла блюда.

— «Вино сладкого источника» наполняет долину, а «Снег из жемчужных ив» лежит на блюде.

Вино было прозрачным, с легким оттенком яичного желтка, и его аромат добавлял нотки тепла в прохладный весенний ветер.

Му Цинцзя налил по чаше себе и своему младшему брату. Он пропустил этап наслаждения ароматом, лишь слегка встряхнул чашу, чтобы услышать звук, а затем отпил.

Горячее вино заполнило его рот и нос, а при более внимательном вкусе оказалось сладким и насыщенным, с легким фруктовым ароматом. Постепенно глотая, он ощутил жжение, словно его внутренности горели в огне.

После того как опьянение прошло, осталось лишь тепло.

Му Цинцзя задумчиво улыбнулся.

Вкус этого «Вина сладкого источника» чем-то напоминал ему Хо Вэй.

Словно под пламенем скрывался чистый поток, а в глубине — горячий, насыщенный аромат.

— Действительно превосходное вино, — искренне похвалил Му Цинцзя.

Нахмуренный лоб Хо Вэй слегка разгладился.

На столе постепенно появились блюда, и Му Цинцзя ел спокойно, каждый кусочек тщательно пережевывая, словно хотел наверстать упущенные за пятьдесят лет моменты.

Хо Вэй же почти не притрагивался к еде, разве что когда Му Цинцзя сам клал ему в чашу.

Даже чаша вина на столе была лишь слегка пригублена.

— Не нравится? — с улыбкой спросил Му Цинцзя.

— Сойдет, — ответил Хо Вэй. — Лучшее среди глупостей.

— Видно, что у тебя высокие стандарты, — рассмеялся Му Цинцзя.

Как раз в этот момент подошли две служанки, чтобы подать вино. Одна встала рядом с Му Цинцзя, а другая, испугавшись меча Хо Вэй, не решалась приблизиться.

Увидев, что Хо Вэй полностью игнорирует девушку, Му Цинцзя подумал, что его младший брат не любит, когда «глупости» находятся рядом, и вежливо отпустил обеих служанок.

Однако, к его удивлению, Хо Вэй поднял бровь и сказал:

— Ты прогнал мою служанку, кто теперь будет подавать мне вино?

— Это... — Му Цинцзя не сразу понял. — Я позову их обратно.

— Не надо, — Хо Вэй поднял руку, чтобы остановить его. — Призвал и прогнал, где же твоя любовь к прекрасному?

Му Цинцзя наконец понял, что его дразнят. Он с горькой улыбкой покачал головой:

— Ладно, что ты хочешь, чтобы я сделал?

Хо Вэй посмотрел на него несколько секунд, затем опустил глаза и сказал:

— Замени ее и подавай мне вино.

На его лице был легкий румянец, но тон звучал уверенно, как непреложный приказ.

— Дорогой младший брат, ты меня ставишь в трудное положение, — с улыбкой сказал Му

Цинцзя. — В моих глазах ты — просто бесформенный огненный шар, как я могу различить твой рот и нос?

— Придумай, — Хо Вэй сделал глоток ароматного чая и спокойно сказал:

— Старший брат, ты обладаешь невероятной мудростью, я уверен, что такая мелочь тебе не составит труда.

— Ты просто... — Му Цинцзя рассмеялся, не зная, что сказать, и после паузы выговорил:

— Негодник.

Дразнить друг друга было для них обычным делом, и у Му Цинцзя все еще был компромат на Хо Вэй в виде переодевания в женское платье, поэтому он покорно передвинул каменный стул и сел рядом с ним.

Он налил «Вино сладкого источника» до краев, одной рукой держа чашу, а другой потянулся к лицу Хо Вэй.

— Предупреждаю заранее, — с улыбкой сказал он. — Если я попаду тебе в нос, я не несу ответственности.

Хотя он так сказал, Му Цинцзя все же серьезно начал исследовать этот овальный огненный шар. Его пальцы скользнули по четко очерченным бровям, затем по углублению под ними, медленно поднялись и остановились на высоком носу.

Он невольно вспомнил красивую внешность Хо Вэй в юности.

Образ из памяти наложился на нынешние черты лица, и у него возникло ощущение, что он не просто ощупывает черты Хо Вэй, а словно вырезает его нынешний облик.

По сравнению с юностью, его черты стали более глубокими и острыми.

Глубокие впадины словно были созданы, чтобы скрыть больше радостей и печалей, а острые углы — чтобы отсечь все любовь и ненависть.

Сердце Му Цинцзя трепетало в такт движению пальцев, пока они наконец не опустились к губам.

На ощупь они были мягкими, но с легкой прохладой, характерной для их обладателя.

Действительно, каким бы острым ни был меч, губы Хо Вэй всегда оставались мягкими.

Такие губы были идеальны для...

Му Цинцзя остановился, осознав, что он уже много раз прикасался к этим тонким губам. Нажимал, отпускал, снова нажимал, и это было довольно забавно.

Он слегка кашлянул, радуясь, что Хо Вэй не заметил, как он играет с его губами, иначе это могло бы вызвать очередной взрыв.

Смутные мечты, которые еще не успели полностью оформиться, растворились в воздухе.

Теперь предстояло напоить его.

Му Цинцзя серьезно зафиксировал подбородок Хо Вэй и поднес чашу к его губам. Хо Вэй, к удивлению, не стал сопротивляться, лишь слегка приоткрыл рот.

Губы Хо Вэй покраснели от трения, и янтарная жидкость скользнула по ним, исчезая в темноте. Если бы кто-то увидел это, то непременно восхитился бы этой живой картиной.

Благодаря многолетней практике резьбы по дереву, его руки были устойчивыми, но слишком медленными. Однако обычно нетерпеливый Хо Вэй не торопил его, позволяя действовать в своем ритме.

По мере того как вино текло, сердце Му Цинцзя постепенно успокоилось.

Звуки далекой суеты, шум гостей и шелест падающих лепестков сливы постепенно исчезли, оставив лишь легкое журчание и едва слышное глотание.

Время словно растянулось, и он смутно подумал, что блюда на столе уже наверняка остыли. Но когда Му Цинцзя опустил пустую чашу, еда все еще была горячей.

Шум мира снова заполнил его уши.

Словно пробудившись от двусмысленного сна, он очнулся, чувствуя неловкость.

Наверное, он слишком углубился в роль служанки, — так он объяснил себе.

— Только одна чаша, больше нельзя, — сказал он, не зная, что еще добавить.

Сначала он чувствовал себя неловко, но затем продолжил с серьезным видом:

— Твои раны еще не зажили, тебе следует пить меньше вина. На этот раз я зашел слишком далеко, прошу прощения.

— Хм, — просто промычал Хо Вэй, и было неясно, что он имел в виду.

Через несколько мгновений он сказал:

— Извини, — и Му Цинцзя не успел понять, как тот уже встал и быстро ушел.

— ...Хорошо.

Его голос растворился в ветре.

Му Цинцзя почувствовал еще больше неловкости и сожаления, считая, что вся эта игра была бессмысленной.

После того как Хо Вэй ушел, он без энтузиазма поел, но еда казалась безвкусной. Он отложил палочки и чашу и спокойно сел, слушая, как лепестки сливы шелестят и падают.

Долгожданные блюда на столе потеряли свой вкус.

Однако такие негативные эмоции, как уныние, обычно не задерживались в нем надолго, и вскоре звуки из соседнего двора привлекли его внимание.